ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ДЕРЖАВЫ ТИГРАНА ІІ

В 80—70-х годах I в. до н. э. обширные регионы на западе Передней Азии были объединены в державу под властью царя Армении Тиграна II. Созданная Тиграном держава явилась последней преградой на пути Рима к безраздельному господству в восточносредиземноморском мире. Победа римлян в 69 г. до н. э. над Тиграном, их главным противником в переднеазиатском регионе Средиземноморья, позволила им господствовать над Сирией, Финикией, Равнинной Киликией и восстановить утраченный конт-

роль над Каппадокией.

По вопросу о становлении в восточносредиземноморском регионе пержавы Тиграна историки, не делая это специальным предметом своих исследований, обычно ограничиваются общей констатацией основных моментов завоевательной политики армянского царя ¹. Исследователи больше всего внимания уделяют событиям, уже обусловленным самим существованием державы, — римско-армянской войне 69-67/66 гг. градостроительству. культурным контактам эпохи. Сложность исследуемой темы состоит в том. что, будучи важным разделом истории древней Армении, она выходит из круга проблем только одной страны, тесно соприкасаясь с вопросами истории эллинистических обществ, находившихся под властью Тиграна. Только учитывая указанную особенность темы станет возможным составить целостное представление об эпохе Тиграна в истории эллинистической Передней Азии. В связи с этим неизбежно встает вопрос о месте эллинистических полисов в державе Тиграна, а также об их роли в образовании его державы. Источники по истории Армении и сопредельных эллинистических стран, прежде всего Сирии и Месопотамии, в период внешнеполитического могущества Тиграна (85-69 гг.) весьма скудны и носят случайный характер. И тем не менее имеющиеся данные позволяют с достаточной точностью охарактеризовать государство, выросшее на эллинистическом Ближнем Востоке в эпоху, оказавшуюся для этого региона переходной, незадолго до его раздела между Римом и Парфией.

Армянское царство Тиграна превратилось в великую державу благодаря военной победе над Парфией в 85 г. и присоединению Сирии и Финикии в 83 г. О подчинении Тиграном сиро-финикийского побережья в источниках сохранились противоречивые известия. Большинство авторов говорит о мерах военного характера. Наряду с этим в рассказе Помпея Трога, сохранившемся в кратком изложении Юстина, говорится о мирном процессе установления господства Тиграна в Сирии (Just., XL, 1). Рас-

¹ Астурян Г. Политические отношения между Арменией и Римом. Венеция, 1912 (на арм. яз.), с. 33—34; Geyer F. Tigranes.— RE, 1936, VI AI, Sp. 970—978; Манандян Я. А. Тигран Второй и Рим. Ереван, 1943, с. 49—52; Grousset R. Histoire de l'Arménie. P., 1973, p. 87—88; Seyrig H. Sur lesères de quelques villes de Syrie.— Syria, Revue d'art oriental et d'archéologie, XXVII, 1950, p. 14, 18, 27—29, 38, 48 (в исследовании А. Сейрига впервые выявляется и вводится в научный оборот ряд пенных фактов, касающихся деятельности Тиграна в Сирии); Downey G. A. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961, p. 136—139; Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. II. Nancy, 1967, p. 384.

сказ Помпея Трога — Юстина о добровольном призвании Тиграна на царствование в Сирию местным населением обычно вызывает сомнения. Такой поворот событий кажется маловероятным уже из-за своей необычности для эпохи, когда будущее государств, как правило, решалось военной силой. Исследователи, касавшиеся этого вопроса ², склонны отдавать предпочтение сообщениям Аппиана, Страбона, Иосифа Флавия, Плутарха о насиль-

ственном подчинении Тиграном Сирии.

Аппиан (Syr. 48, 69) падение Селевкидов связывает с военными действиями Тиграна против царя Сирии Антиоха X Евсеба (Благочестивого). Совершенно иначе о конце этого селевкидского монарха рассказывает Иосиф Флавий: Антиох X Евсеб погиб в войне с парфянами (Jos. Flav., Ant. Jud. XIII, 13, 4) во время их вторжения в Коммагену в 92 г. 3. Версию Иосифа Флавия о гибели Антиоха X в бою с парфянами принимают А. Буше-Леклерк 4, А. Беллинджер 5, А. Г. Бокщанин 6, Г. Х. Саркисян 7; А. Кун, следуя версии Аппиана, полагал, что Антиох X Евсеб был

изгнан из Сирии Тиграном в 83 г.8

Летопись селевкидских царей в изложении Аппиана, будучи, как известно, важным источником по истории династии в III—II вв., не может считаться полноценной для изучения ее заключительного периода, бурного десятилетия с 94 по 84 гг. Так, Апциану совсем неизвестны братья Селевка VI (96-95 гг.), другие сыновья Антиоха VIII Грипа цари Антиох XI, Филипп I, Деметрий III Эвкер, Антиох XII Дионис, их непримиримая борьба с Антиохом X Евсебом, а потом и войны друг против друга, чередовавшиеся схватками с набатеями, иудеями, парфянами, бедуинами. Обо всем этом подробно повествует Иосиф Флавий. События, о которых он рассказывает, подтверждаются также нумизматическими данными — монетами последних царей Селевкидов. Дальнейшее развитие событий (по данным Иосифа Флавия) всецело согласуется с фактом гибели Антиоха Х. Война между сыновьями Грипа, Филиппом Ги Деметрием III, до этого совместно боровшимися против Антиоха X, могла стать возможной после устранения причины их союза, - т. е. после гибели Антиоха Х. Полнейшее отсутствие упоминаний об Антиохе в изложении последующих событий с 92 по 84 гг., когда за власть в Сирии боролись три претендента (его враги и их младший брат Антиох XII Дионис), также подтверждает версию о кончине Антиоха к этому времени ⁹. Следовательно, сообщение Аппиана об изгнании Антиоха X Тиграном не соответствует исторической действительности ¹⁰: Антиох X Евсеб погиб в войне с Парфией ¹¹ задолго до водарения Тиграна в Сирии.

Bellinger. Op. cit., p. 75.
 Бокщанин. Ук. соч., с. 11.
 Саркиски Г. Х. Завоевания Тиграна Второго. — В кн.: История армянского

народа. Т. І. Ереван, 1971 (на арм. яз.), с. 563.

⁹ Как писал А. Буше-Леклерк: «Версия Иосифа Флавия — единственная, объясняющая полное исчезновение Антиоха Х Благочестивого во время междоусобиц

сыновей Грипа» (Bouche-Leclercq. Op. cit., p. 606).

² Манандян. Ук. соч., с. 50; Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Ч. II. М., 1966, с. 32; Bellinger A. R. The End of the Seleucids.— Transactions of Connecticut Academy of Arts and Sciences, v. 38, June 1949, p. 80—82; Downey. Op. cit., p. 136 f.

³ Bouche-Leclercq A. Histoire des Seleucides. P., 1913, p. 421, 606.

Kuhn A. Beiträge zur Geschichte der Seleukiden vom Tode Antiochs VII Sidetes bis auf Antiochos XIII Asiaticus. Altkirch, 1891, S. 40, 41. По мнению И. Ш. Шифмана, в 83 г. Антиох X Евсеб оказал сопротивление Тиграну (Шифман И. Ш. Сприйское общество эпохи римского принципата. М., 1977, с. 45).

¹⁰ Еще Буше-Леклерк отметил, что свидетельство Аппиана о свержении Антиоха Х Тиграном сомнительно, так как сам Аппиан в другом месте своего сочинения (Mithridatica, 106) путает Антиоха X с его сыном Антиохом XIII (Bouche-Leclercq. Op. cit., р. 430, 606). E. Бабелон (Babelon E. Les rois de Syrie, d'Armenie et i de Commagene. P., 1890, p. CLXVI, CLXVII, CLXX) отмечает, что на монетах Антиоха не обозначены даты.

¹¹ Согласно Евсевию (Евсевий. Хроника. На древнеармянском, древнегреческом и латинском языках. Венеция, 1818, с. 355; назв. на арм. яз.), Антиох X Евсеб, потер-

Правивший непосредственно перед приходом Тиграна в Сирию Филипп I не мог пользоваться популярностью в стране. В борьбе с братом Деметрием III, овладевшим Дамаском и Антиохией и осадившим его в Берое (Халеб), Филипп вступил в союз со стародавним врагом эллинов — Парфией. Подошедшая к Берое парфянская армия осадила Деметрия в его же лагере и вскоре заставила селевкидское войско капитулировать. На обратном пути парфянские отряды разграбили страну (Jos. Flav., Ant. Jud. XIII, 14, 3). Идя навстречу своему новому союзнику Филиппу, парфяне отпустили на волю без выкупа антиохийских ополченцев из войска Деметрия (ibid.), однако эта мера вряд ли могла смягчить тяжелое впечатление в Антиохии, произведенное союзом Филиппа с пар-

фянами и их вторжением.

Положение Филиппа I (88-84 гг.), практически ставленника парфян, не было стабильным. Митридат II Парфянский держал при себе в почетном плену Деметрия, планируя, видимо, на будущее новое вмешательство в сирийские дела. Тем временем в Дамаске у Филиппа появился новый соперник, Антиох XII Дионис, не замедливший, однако, начать войну с набатеями (Jos. Flav., Ant. Jud. XIII, 15, 1). Воспользовавшись его отсутствием, Филипп захватил Дамаск (около 85 г.), но восстание местного гарнизона вскоре вынудило его оставить город. С уходом Филиппа из Дамаска Келесирия оказалась потерянной для Селевкидов: набатейский царь Арет разбил в битве при Кане войско Антиоха Диониса, погибшего в этой битве, завладел Дамаском и сделался властителем всей Келесирии (ibid., XIII, 15, 2). О каких-либо попытках Филиппа I вторично овладеть Дамаском, как и о его дальнейшей судьбе. Иосиф Флавий ничего не сообщает, что косвенно может указывать на то, что к тому времени последний сын Грипа уже умер. Со смертью обоих братьев на власть в Сирии могли претендовать вдова Антиоха X Евсеба Клеопатра-Селена, мать его малолетних сыновей, и Филипп II — сын неудачливого Филиппа I.

На роли Клеопатры-Селены в событиях, произошедших в Сирии в эпоху правления Тиграна, следует остановиться отдельно. По мнению исследователей 12, Тигран, приглашенный в Сирию одной политической группировкой, о чем рассказывает Юстин, должен был преодолеть сопротивление второй «партии», что следует из сообщения Страбона о подчинении Сирии и Финикии силой (... την Συρίαν αυτήν και Φοινίκην,..., ανά хратоς είλεν.— Straho, XI, 14, 15). Согласно Я. А. Манандяну, против Тиграна после завоевания им Сирии и вплоть до 70 г. до н. э. (практически весь период его правления) на юге страны и в Финикии продолжалась борьба, возглавляемая Клеопатрой-Селеной 13. Иосиф Флавий (основной источник по исследуемому вопросу), рассказывая о Клеопатре-Селене, оборонявшейся от Тиграна в Птолемаиде (Акко), называет ее в числе правителей Сирии 14. Появление царицы Клеопатры-Селены в Финикии,

 12 Астурян Г. Политические отношения между Арменией и Римом. Венеция, 1912 (на арм. яз.), с. 34, прим. 3; Манандян. Ук. соч., с. 50—51. Приблизительно так же трактует события А. Беллинджер (Op. cit., p. 80—82).

пев поражение в войне с сыном Грица Филиппом, нашел убежище у парфян и снова объявился в Сирии при Помпее. В последнем сообщении Евсевия У. Вилькен (Wilcken U. Antiochos X Eusebes.— RE, I, Sp. 2484—2485, 1894), и А. Буше-Леклерк отмечают явное смешение Антиоха X с его сыном Антиохом XIII. В целом версия Евсевия не противоречит версии Иосифа Флавия. В обоих вариантах вследствие вмешательства в события парфян Антиох навсегда исчезает с политической сцены. В греческом варианте хроники Евсевия это событие происходит в 3 году 171 Олимпиады, т. е. в 94/93 г. У. Вилькен (Op. cit., Sp. 2485), допуская возможность обеих версий — Иосифа Флавия и Аппиана, высказывает предположение, что столкновение Антиоха с парфянами могло произойти после 83 г. (!?). Ошибочность этого мнения очевидна. С 85 г. разбитые Тиграном парфяне были оттеснены в глубь Ближнего Востока, и в пограничных с Сирией месопотамских регионах безраздельно господствовал армянский царь.

 ¹³ Μαнαндян. Ук. соч., с. 52—54.
 ¹⁴ ...βασίλισσα γάρ Σελήνη ή καὶ Κλεοπάτρα καλουμένη τῶν ἐν τῆ Συρία κατῆρχεν (Jos. Flav., Ant. Jud. XIII, 16, 4).

ее борьба против Тиграна, как и «правление» в Сирии у Иосифа Флавия происходит в четко отмеченных хронологических рамках, во второй половине парствования в Иудее Александры-Саломеи, в самом конце 70-х гг.

В событиях 92—83 гг. в Сирии царица Клеопатра-Селена не участвует ¹⁵. Прозвище ее сына «Азиатский» по названию приютившей его римской провинции Азии может указывать также и на место ее пребывания в эти годы (Арр., Syr. 70). После гибели мужа Клеопатре-Селене, оставшейся с двумя малолетними детьми (старшему Антиоху было не более трех лет), грозила опасность со стороны Филиппа и Деметрия, которые не стали бы медлить, чтобы избавиться от будущих соперников, сыновей своего врага. Ей ничего не оставалось, как покинуть Сирию и на время скрыться в ожидании благоприятных событий ¹⁶. Э. Бабелон указывает на датируемую временем после 84 г. хиосскую монету с именем царя Антиоха, отчеканенную, по его мнению, в честь пребывания на острове царевича Антиоха XIII Азиатского ¹⁷.

Клеопатра-Селена, дочь Птолемея VIII Фискона, могла претендовать на власть и править в Сирии только от имени своего малолетнего сына, прямого отпрыска Селевкидов. Но, как нам кажется, правление Клеопатры-Селены и соответственно парствование Антиоха XIII в Сирии в короткий промежуток времени от смерти Филиппа I до прихода Тиграна следует безоговорочно исключить. Сам факт выбора царя среди чужеземцев, о котором говорит Юстин, показывает, что накануне вступления Тиграна в Сирию такой политической фигуры в Сирии, как Клеопатра-Селена, не существовало (Just., XL, 1). Селевкиды перестали контролировать положение в стране, оставшиеся представители династии были настолько бессильны, что не могли ни защитить страну от набегов пиратов и бедуинов (Strabo, XIV, 5, 2; Just., XXXIX, 5) ни даже воспрепятствовать населению Сирии по собственному усмотрению распорядиться их престолом (Just., XL, 1). Могли ли после этого Селевкиды, потерявшие опору в собственной стране, вести против Тиграна, все 14 лет его правления в Сирии, настоящую борьбу, сдерживая натиск сильнейшей на Ближнем Востоке армии? В 83 г. такая задача была не только выше их сил, но, по всей видимости, со стороны Селевкидов возглавлять сопротивление было некому.

Однако в источниках сохранились сведения о предпринятой Селевкидами в конце 70-х гг. попытке восстановить свою власть в Сирии. Из сообщений Плутарха, Диона Кассия и Иосифа Флавия, при всей скудости и случайности их свидетельств, вырисовываются значительные военные действия Тиграна в Сирии. При ближайшем рассмотрении можно заметить, что они связаны с действиями Селевкидов. Согласно Плутарху (Luc. XIV), Лукулл перед вторжением в Понт (72 г.) говорит воинам, что Тигран убивает царей из рода Селевка и уводит в плен их жен и дочерей. В достоверности этих событий убеждает другое свидетельство Плутарха (Luc. XXI) о том, что ко времени посольства Аппия Клавдия в Антиохию в 71 г. Тигран был занят покорением некоторых городов в Финикии. Плутарх также описывает напряженную обстановку в Сирии в 71 г.: многие недовольные господством Тиграна полисы вступают в тайные контакты с римским послом (ibid.). Дион Кассий отмечает, что Финикия и Келесирия были опустошены Тиграном и арабами (Cass. Dio, XXXVII). Очевид-

16 Bouche-Leclercq. Op. cit., p. 421, 425; Stähelin F. Kleopatra Selene. -- RE, XI,

1922, Sp. 783.

17 Babelon. Op. cit., p. CLXXV.

¹⁵ А. Беллинджер (Ор. cit., р. 75) в подтверждение версии Иосифа Флавия о гибели Антиоха X упоминает бронзовую монет у, чеканенную, как он полагает в 92 г. в Антиохии, и называющую Клеопатру-Селену регентшей при Антиохе XIII. Перед нами, возможно, свидетельство о тщетной попытке захватить власть. Большое количество царских драгоценностей, привезенных около 73 г. Антиохом XIII в Рим (Сіс., Verr. IV, 4, 27), наводит на предположение, что Клеопатра-Селена смогла вывезти из Сирии сокровищницу мужа. Это обстоятельство в какой-то мере говорит в пользу предположения А. Беллинджера.

но, он имеет в виду войну между Тиграном и набатеями, от которой пострадала Келесирия. Военные действия набатеев против Тиграна из Келесирии перекинулись и в Финикию, поддерживавшую в это время Клеопатру-Селену, а это уже указывает на большую вероятность союза Селевкидов и арабов ¹⁸.

В сочинении Иосифа Флавия известному рассказу о покорении Тиграном Птолемаиды предпослано одно сообщение (Jos. Flav., Ant. Jud. XIII, 16, 3; Bel. Jud. I, 5, 3), содержащее, на наш взгляд, важные сведения о войне Тиграна в Келесирии. По свидетельству Иосифа Флавия, иудейское войско во главе с Аристобулом выступило в поход к Дамаску против правителя Итуреи Птолемея Меннея, возобновившего свои нападения на город. Однако иудейскому войску вскоре пришлось вернуться, «не совершив ничего, достойного внимания» (Jos. Flav., Ant. Jud. XIII, 16, 3). Что могло побудить Иудею защищать Дамаск, который принадлежал набатейскому царю Арету, т. е. выступить ему на помощь? Птолемей Менней обладал незначительными силами, чтобы вызвать против себя объединение двух государств, обычно враждовавших между собой. Поход Аристобула можно объяснить, лишь учитывая события, происходившие под Дамаском. Если нарративный источник сообщает о начале военных действий, открытых нападениями Птолемея на городскую округу и выступлением Аристобула, то благодаря нумизматическим данным — выпуску с 72 по 69 гг. в Дамаске монет Тиграна 19 — известен и конечный результат войны: поражение Арета и подчинение Дамаска Тиграну.

Отряды Птолемея Меннея, вассала Тиграна ²⁰, по существу выполняли роль авангарда вооруженных сил царя Армении, как видно, следом двигавшихся к Дамаску. Итак, не подлежит сомнению, что поход иудеев к Дамаску был направлен против Тиграна и имел своей целью помешать ему завладеть важнейшим городом Келесирии. Причиной того, что Аристобул вскоре вернулся, «не совершив ничего, достойного внимания» (иначе говоря, его войско не вступило даже в соприкосновение с противником), могло быть лишь поражение набатеев и взятие Дамаска Тиграном еще до подхода иудейской армии к месту военных действий. Очевидно, Тигран не допустил соединения сил противника, и иудеям в таком случае ничего не оставалось, как отступить и практически выйти из войны. Таким образом, сообщение Иосифа Флавия дает основание говорить о военном союзе иудеев и набатеев против Тиграна, расстроенном им, однако,

в самом начале боевых действий.

Далее Иосиф Флавий рассказывает, что спустя немного времени после этого безрезультатного похода Аристобула приходит известие о намерении Тиграна вторгнуться в Иудею. Состояние войны между Арменией, с одной стороны, и Набатеей и Иудеей, с другой, резко противоречит тому мирному сосуществованию большой державы Тиграна с двумя малыми государствами, которое наблюдалось на протяжении предшествующего периода (83—73 гг.). Все эти годы Тигран не предпринимал попыток их покорить ²¹. Союз Набатейского и Иудейского государства против Тиграна несомненно связан с вооруженным выступлением Клеопатры-Селены в Финикии. Все это позволяет с полным основанием сделать вывод, что в 73—70 гг. на юге Сирии против Тиграна образовалась коалиция в составе Селевкидов, сум евших отнять у Тиграна часть Финикии, Набатейского и Иудейского

¹⁸ О союзе последних Селевкидов и набатеев против Тиграна см.: *Манасерян Р. Л.* Тигран Второй и римско-понтийская война 73—71 гг.— ВОН, 1977, № 5, с. 105.

19 Newell E. I. Late Seleucid mints in Ake-Ptolemais and Damascus. N. Y., 1939, p. 99—100

²⁰ Seyrig. Op. cit., p. 48. Согласно Э. Сейригу, отсутствие имени Птолемея на чеканенных им в 73—72 гг. монетах указывает на подчиненность последнего Тиграну. ²¹ Еще Р. Груссе обратил внимание на то, что Тигран не стремился к безудержному расширению своих владений (Grousset. Op. cit., p. 88).

царств ²². Констатируя существование такого союза, считаем нелишним подчеркнуть обстоятельства, сделавшие его неизбежным: всем троим участникам противостоял общий противник — Тигран, военные действия про-исходили в пределах одного общего региона и в одно и то же время.

Ввиду предстоящей войны с Римом Тигран, заинтересованный в скорейшем завершении военных действий, не вторгся в Иудею, а удовольствовался изъявлением ею покорности. Главный удар был направлен против отложившихся финикийских городов, среди которых Птолемаиде, возможно, принадлежала лидирующая роль. Захватом Дамаска Тигран обеспечивал себе тыл для наступления на финикийское побережье. Однако тогда этот успех, видимо, не удалось развить из-за восстания в Армении престолонаследника Зариадра. Наступление в Финикии смогло возобновиться к лету 71 г., и завершилось падением Птолемаиды весной 69 г.

В годы третьей Митрилатовой войны Клеопатра-Селена начала притязать и на египетский престол, оспаривая законность царствования Птолемея XII Авлета, Прибывшие в Рим сыновья Клеопатры-Селены пытались заполучить в сенате признание их прав на Египет, а не на Сирию, потому что наследственные права представителей селевкидской династии на отцовское царство не подлежали сомнению (Cic., Verr. IV, 4, 27). Цицерон, рассказывая в своей речи о присвоении наместником Сицилии Верресом сокровищ селевкидского принца Антиоха, называет его царем (rex Antiochus), а также другом и союзником римского народа (Cic., Verr. 4,30). Для Цицерона Сирия — это regnum patrium Антиоха. Это определение показывает, что Сирия в годы правления Тиграна рассматривалась Римом как царство Селевкидов — предков Антиоха, незаконно оккупированное армянским царем. Из всего этого следует, что Рим никогда не признавал Тиграна правителем Сирии. Особого внимания в речи Цицерона заслуживает сообщение, что, выехав из Рима, сыновья Антиоха Евсеба, «цари Сирии» отправляются в Сирию, царство своих отцов (...reges Syriae, regis Antiochi filios pueros... in Syriam, regnum patrium profecti sunt -Cic., Verr.). Должно быть, из предосторожности Антиох и его брат отправились в Сирию не вместе, а разными путями. Антиох избрал путь через Сицилию. Примечательно, что после того как Веррес уже присвоил драгоценный канделябр Антиоха, он начал поторапливать царевича со скорейшим отъездом из Сицилии, ссылаясь на известие о пиратах, намеревающихся прибыть в Сицилию из его, Антиоха, царства, из Сирии (ex ejus regno pirates in Siciliam esse venturos — Cic., Verr. IV, 4, 29). Даже если Веррес и выдумал грозящую опасность, ее возможность, по-видимому, и самому Верресу и Антиоху представляется вполне реальной. В чьих интересах могли действовать эти пираты — нетрудно догадаться.

Нет оснований предполагать, что, покинув Сицилию, Антиох почему-либо отклонился от избранного им пути. В таком случае сведения, которые сохранились в речи Цицерона, позволяют думать, что около 71 г. в южных областях Сирии появился Антиох XIII, «друг и союзник римского народа», ставленник Рима, противник Тиграна. Факты, известные из речи Цицерона, подкрепляют предположение, что военные действия Клеопатры-Селены должны были вестись от имени царя Сирии Антиоха XIII. Двухлетнее пребывание Антиоха XIII в Риме (Cic., Verr. IV, 4, 30) сви-

²² При явном отсутствии у Тиграна планов завоевания Иудеи и Набатеи, соприкосновение его державы с их владениями на севере представляло для них потенциальную угрозу. Несомненно в интересах этих государств было иметь на своях северных границах слабое и относительно небольшое Селевкидское царство. Надеяться на победу в войне с Тиграном Селевкиды, Арет и Аристобул, могли только в расчете на вмешательство в сирийские дела римлян после разгрома Митридата Лукуллом. Противники Тиграна, каждый по-своему заинтересованный в борьбе против него, по существу действовали в интересах большой политики Рима, так как в значительной мере вследствие их выступления Тигран не имел возможности прийти на помощь Митридату после его отступления из-под Кизика в Понт.

детельствует о том, что предводительство новоявленного царя в борьбе за

Сирию было скорее всего номинальным.

В той степени, в какой это относится к поставленному вопросу борьбе Селевкидов против Тиграна, — отметим резкие колебания в позиции, занятой Тиграном по отношению к Риму в малоазийском регионе: опустошительный поход в союзную с Римом Каппадокию в 77 г. и нейтралитет в третьей римско-понтийской войне 73—71 гг. В этом, очевидно. отражаются изменения во внутреннем состоянии его державы и в положении на южносирийских рубежах. Небывалый разгром Каппадокии. когда она лишилась большей части своего трудоспособного населения (по Аппиану, было уведено 300 тыс. человек — Mithr. 67), прежде всего был чувствительным ударом по международному престижу Римского госупарства. Ведь незадолго до этого Рим потребовал от Понта очистить Каппадокию и дать возможность Ариобарзану взять власть в свои руки. Митридат подчинился, но вскоре вместо ушедших понтийских войск в Каппадокию вторглись армянские войска. Ариобарзану снова пришлось искать спасения у римлян, Рим опять не смог претворить в жизнь одно из важных условий Дарданского мира 84 г. Тигран мог позволить себе обострить конфликтную ситуацию при условии хорошо обеспеченного тыла. А если учесть, что тогда же велась исаврийская война (79—75 гг. ²³), то не может быть сомнений, что в 77 г. он не исключал возможности открытого военного столкновения с Римом (в Каппадокии Тигран уже воевал против Суллы в 92 г. — Plut., Sulla, 5) 24. В римско-понтийской войне 73-71 гг., когда в результате поражений Митридата перед Тиграном еще острее, чем в 77 г., встала необходимость выступить против Рима и на этот раз предотвратить падение Понта. Тигран, однако, был вынужден придерживаться нейтралитета 25.

Итак, сообщение Юстина о мирном подчинении Сирии не противоречит данным Иосифа Флавия, Диона Кассия, Илутарха: источники дополняют друг друга; противоположные события, о которых они говорят, происходили в разное время и с отдаленностью до 10 лет. На основании их мы можем предположить следующее развитие событий: в 83 г. Тигран был добровольно призван населением Сирии, его воцарение носило мирный характер. Однако около 10 лет спустя, к 73 г. Тиграну приходится вести упорную борьбу в значительной мере против населения и городов, ранее призвавших его. Селевкиды, до этого исчезнувшие с политической арены. вновь превращаются в немалую силу и в союзе с набатеями и иудеями серьезно угрожают власти Тиграна в Сирии. Восстание охватывает Фи-

никию, юг Сирии и, видимо, вспыхивает даже на севере страны.

Вернемся к отмеченному выше сообщению Страбона о насильственном подчинении Тиграном Сирии (Strabo, XI, 14, 15). Утверждение Страбона явно противоречит рассказу Юстина 26. При этом существенно, что со-

ческой истории Рима 90-х годов I в. до н. э. — ВДИ, 1978, № 3, с. 210.

²³ О датировке войны см. Моммзен Т. История Рима. Т. III. Пер. под ред. Н. А. Машкина. М., 1941, с. 42; Magie D. Roman rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ. V. I. Princeton, 1950, р. 288—290.

24 Селецкий В. П. О некоторых современных исследованиях социально-полити-

²⁵ Манасерян. Ук. соч., с. 107 сл. ²⁶ Сохранившийся только в конспективном изложении Юстина (II—III вв.) труд Помпея Трога был написан около 7 г. н. э., приблизительно 15 лет спустя после завершения Страбоном работы над «Географией» (7 г. до н. э.). В основу труда Помпея Трога было положено сочинение неизвестного греческого автора, по распространенному предположению — Тимагена Александрийского. К. К. Зельин отмечает, что за исключением отдельных случаев невозможно выделить, что из материала принадлежит Трогу, а что им было заимствовано из греческого оригинала, тем не менее «роль латинского автора была второстепенной по сравнению с его греческим предшественником» (Зельин К. К. Помпей Трог и его произведение Historiae Philippicae. -1954, № 2, с. 184). Небезынтересно будет отметить, что утерянный исторический труд Страбона, откуда он, несомненно, перенес исторические сведения в «Географию», и греческий оригинал, из которого Помпей Трог, видимо, заимствовал рассказ о воцарении Тиграна в Сирии, создавались почти в одно и то же время.

общение Страбона и по своему характеру расходится с остальными источниками, в которых говорится о военных действиях Тиграна. В сообщениях Иосифа Флавия, Плутарха, Диона Кассия, а также и Цицерона содержатся сведения более конкретного характера, которые дополняют друг друга, и все без исключения относятся ко времени Третьей Митридатовой войны. Как можно полагать, в своем кратком изложении деяний Тиграна Страбон, ограничившись по вопросу о Сирии и Финикии одним замечанием, что армянский царь силой подчинил эти страны, по-видимому, имел в виду те же события, о которых шла речь в сочинениях Иосифа Флавия, Плутарха и Диона Кассия. Такое толкование сообщения Страбона подтверждается другим его свидетельством о военных действиях Тиграна в Сирии, где говорится о Клеопатре-Селене, изгнанной из Сирии и казненной по приказу Тиграна в крепости Селевкия на Евфрате (Strabo, XVI, 2, 3).

Итак, о войне Тиграна в Южной Сирии и Финикии, синхронной римско-понтийской войне 73—71 гг., сохранились более или менее определен ные, хотя и разрозненные сведения. О какой-либо другой войне Тиграна, происходившей ранее в этом регионе, нет никаких данных. Рассказ Помпея Трога, переданный Юстином, это единственный источник, в котором связно говорится об обстоятельствах подчинения армянскому царю Сирии — одного из крупнейших центров эллинистической цивилизации в Восточном Средиземноморье. Факты, известные из краткого изложения

Юстина, заслуживают специального рассмотрения.

В 85 г. политическая ситуация в Передней Азии решительно изменилась. В результате поражения в войне с Арменией Аршакиды впервые за полвека борьбы на западных рубежах своей державы признали себя побежденными. Им пришлось уступить армянскому царю Северное Междуречье (Месопотамию), а также общирные области в Мидии. Парфянские цари лишились также титула «царь царей» (App., Syr. 48) 27, принятием которого Тигран оформил свою гегемонию в Передней Азии. Давний враг Селевкидского государства был неожиданно отброшен на восточную окраину Передней Азии. На границе Сирии по Среднему Евфрату утвердилась новая держава. Поначалу казалось, что потрясаемой анархией Сирии предстояло пережить неотвратимое нашествие.

В позднейший период селевкидского правления одновременно с ослаблением царской власти происходит явный рост политической самостоятельности городов ²⁸, а также усиление межполисных связей: Страбон сообщает о единомыслии (одогога), существовавшем между северосирийскими городами-сестрами — Антиохией, Селевкией в Пиерии, Лаодикеей и Апамеей (Strabo, XVI, 2, 4). Полисы начинают объединяться также ради того, чтобы собственными силами противостоять нападениям пи-

ратов — с моря — и кочевников — из пустыни 29.

Селевкидская династия со своей непрекращающейся междоусобицей стала источником бедствий для собственной страны. Это, а также полная

28 Rostovtzeff M. The Social and Economic History of Hellenistic World. V. II.

²⁷ О потере Аршакидами титула «царь царей» в войне с Тиграном (88-85 гг.) см. Манандян. Ук. соч., с. 49; Саркисян. Ук. соч., с. 562. Титул «царь царей», появившийся на монетах Митридата II, исчезает на монетах Готарза I и Синатрука. См. Мушегя Х. А. Монстные клады древней Армении. Ереван, 1973 (на арм. и русск. яз.),

Oxf., 1941, р. 843.
29 Характерным явлением для этой бурной эпохи был возникший несколько позже шэн Помпее (63—62 гг. до н. э.) Декаполис — объединение эллинистических городов восточном берегу реки Иордан (Benzinger J. Dekapolis.— RE, B. IV, 1901, Sp. 1415—2417; Шифман. Ук. соч., с. 44, прим. 2).

неспособность Селевкидов обеспечить целостность и безопасность Сирии окончательно дискредитировали царский дом и сделали его дальнейшее

правление нежелательным.

Выход из этого затяжного кризисного состояния господствующий класс Сирии должен был искать на сторопе, обратившись за помощью извне. Плачевная участь римской провинции Азии — бывшего Пергамского царства, разоренной хозяйничаньем италийских публиканов и, вследствие этого, потрясенной вспышкой социальной борьбы при Митридате, а затем подвергшейся репрессиям Суллы, могла сделать крайне непопулярной идею установления римского господства в Сирии. Наряду с Парфией Рим рассматривался в качестве традиционного врага, подорвавшего могущество эллинистической империи Селевкидов.

Обратимся теперь к рассказу Юстина. Как пишет Юстин (XL, 1), когда вследствие междоусобных войн Селевкидов «цари и Сирийское царство ослабли, народ (populus) обратился за помощью извне и стал искать для себя иностранных царей (peregrinosque sibi reges circumspicere соеріт). Часть (народа.— Р. М.) считала, что нужно пригласить Митридата Понтийского, другая часть — Птолемея Египетского. Но случилось так, что Митридат был вовлечен в войну с Римом: Птолемей же был всегда врагом Сирии (semper hostis fuisset Syriae). Все согласились относительно Тиграна, царя Армении (omnes in Tigranem, regem Armeniae consensere), который имел собственные вооруженные силы (domesticas vires), а также был союзником парфян и зятем Митридата (Понтийского). Итак, призванный на Сирийское царство (accitus in regnum Syriae) Тигран в течение 17 лет царствовал совершенно спокойно...».

Первое, что обращает на себя внимание при ознакомлении с рассказом Юстина, это довольно единодушное стремление сирийцев сохранить Сирийское царство, свою государственность. Сирийское эллинистическое общество нуждалось в сильной центральной власти, способной покончить с анархией в стране, обеспечить благоприятные условия существования для полисного землевладения, обезопасить торговые пути. В создавшихся условиях, оказавшись перед необходимостью отдаться под власть чужеземного царя, сирийское общество вовсе не намеревалось тем самым

отдаваться под чужеземное господство.

Митридат Евпатор не подходил к подобной роли: уставшая от постоянных конфликтов Сирия менее всего желала быть вовлеченной в антиримскую борьбу Понта. Птолемей ІХ Латир (88-80 гг.) также не вызывал доверия в сирийском обществе: в его представлении цари Египта всегда оставались врагами Сирии. Армянский царь Тигран II, в планы которого входило подчинение Сирии и вот уже год как стоявший на Евфрате, обладал с точки зрения сирийцев рядом серьезных преимуществ. Внешнеполитическое положение Тиграна внушало доверие. Одержав победу над Аршакидами и принудив их к заключению унизительного мира, Тигран развеял нависавшую над Сирией угрозу и высоко поднял в глазах сирийцев свой военный престиж. Какую-либо опасность со стороны Тиграна в сирийском обществе исключали. В распоряжении Тиграна находились также значительные военные силы, на которые сирийцы возлагали большие надежды. Сирийское царство было предложено ему. Согласно Юстину, власть над Сирией Тигран получает по предложению populi — «народа».

В 83 г. царство Селевкидов, ассоциируемое с правлением потомков Селевка Никатора, прекратило свое существование. Вместе с падением династии произошел, видимо, распад царского двора, наемной армии; администрация была парализована. В этой критической ситуации, как это следует из рассказа Помпея Трога—Юстина, вместо утративших власть Селевкидов рориlus начинает играть решающую роль в стране.

Призвание в Сирию чужеземного царя— фактическое низложение старой династии, будучи ответственным решением, последствия которого

касались почти всей территории Сирии, затрагивало интересы не одних только граждан Антиохии, но также гражданских коллективов остальных крупных сирийских городов и потому могло быть принято и осуществлено при их непременном участии. В рассказе Юстина populus озабочен будущностью Сирии, т. е. действует в интересах многих гражданских общин страны. Очевидно, что populus у Юстина — это общее наименование землевладельческой, торговой и ремесленной верхушки главных полисов Сирии. Гражданские общины, придя к общему мнению о необходимости избрания себе царя, обсудив достоинства вероятных претендентов на царство и определив свой выбор, предложили одному из них престол, при этом, по-видимому, даже оговаривая условия царствования чужеземпа. Сирия и после падения Селевкидской монархии продолжала сознавать себя политически единой. Она оставалась «царством» в представлении полисов, совместно выступивших с внешнеполитической инициативой. Активная политическая деятельность «народа» позволяет говорить о том, что в Сирии в краткий период междуцарствия в 83 г. взаимоотношения полисов приобрели союзный характер. Сложившееся объединение политически самостоятельных полисов, как можно полагать, оказывается прямым носителем суверенной власти в Сирии ³⁰.

Оказавшись свободными от власти Селевкидов, будучи каждый в отдельности суверенным, полисы соединились для избрания себе паря и передали верховную власть над ними новому монарху — Тиграну. Таким образом, в 83 г. до н. э. произошло объединение Армении и Сирии под властью общего монарха. Призвание Тиграна царем на престол Сирийского царства, осуществленное «народом» — полисным объединением, следует охарактеризовать как унию Армянского и Сирийского царств. В 83 г. стоял вопрос о дальнейшем существовании, о восстановлении Сирийского царства, единого государства, но вовсе не о его ликвидации. В ходе осуществления унии Армении и Сирии с согласия полисов и вследствие их отказа от прав, делавших их политически независимыми, в Сирии вновь утвердился суверенитет царской власти. В 83 г. полисы, гражданские общины предстали как своего рода первооснова власти

Тиграна II в Сирии.

Рассмотрение титулатуры Тиграна II на его монетах значительно дополняет обрисованную здесь картину. На царских монетах, отчеканенных в пределах Сирии — в Антиохии (должно быть, начиная с 83 г., год чекана неизвестен) и Дамаске (с 72 по 69 г.), Тигран выступает исключительно как «царь», носит обычный эллинистический титул ³¹. Однако на драхмах, выпущенных на армянских монетных дворах в Арташате и Тигранакерте, он имеет титул «царь царей» ³², принятый им незадолго перед воцарением в Сирии ³³. Здесь, исключая какую-либо случайность (выпуск царских монет производился под контролем властей), обращает на себя внимание различие в титулатуре в зависимости от территориаль-

32 На стилевых различиях армянских и сирийских монет Тиграна подробно останавливается Х. А. Мушегян (ук. соч., с. 27—29); см. также Птукли 3. Монеты династии Арташесидов. Вена, 1969 (на арм. яз.), с. 33—34, 44—50.

³⁰ Следует полагать, что на пути к восстановлению царской власти populus, состоящий из крупнейших гражданских общин страны, близко подошел к созданию конфедерации полисов. С последней его сближают общность цели и постоянство контактов участников на пути к ее достижению. В конспективном изложении Юстина (XL,1), как нам кажется, можно различить черты описания сходки или собрания, участники которой вступают в прения и вскоре приходят к одному, приемлемому для всех решению. Здесь проявилось единомыслие (δμόνοια) полисов. 31 Newell. Op. cit., p. 97—98.

³³ Отношение Тиграна к титулу «царь царей» весьма показательно. Когда Лукулл в 71 г., требуя выдачи Митридата, в обращении к Тиграну назвал его просто царем, а не «царем царей», Тигран воспринял это как непризнание своей великодержавности. В ответном послании он не назвал римского главнокомандующего императором, в свою очередь, высказав непризнание аннексии Понтийского царства Римом (Plut., Luc. XXI).

ной принадлежности монет ³⁴. Это наводит на мысль, что в Армении и Сирии Тигран обладал различным статусом. Ограничение чеканки монет с титулом «царь царей» собственно Арменией и отсутствие этого титула на сирийских монетах Тиграна может свидетельствовать о том, что в Сирии Тигран осуществлял власть не как «царь царей» Армении, а под непосредственным правлением Тиграна существовало Сирийское царство. В пределах Сирии Тигран правил как местный царь, продолжатель эллинистической государственности, преемник предыдущей династии.

Восстанавливая на основе нумизматических данных юридическое оформление монархии, можно констатировать существование «двух царств» Тиграна. В Сирии, связанной унией с Арменией, правил свой «суверенный» басилевс, он же в Армении — «царь царей», под верховным контролем которого находились и зависимые царства в Месопотамии и Мидии. Однако Сирийское царство должно было признавать главенство Армянского парства. Оформление державы в виде двух царств, из которых Сирии отводилась роль второго царства, прежде всего должно было отвечать чаяниям сирийской полисной знати. Таким образом, данные монет, как и рассказ Юстина, позволяют утверждать, что Сирия при Тигране обладала статусом царства. Багадат, назначенный в Сирию стратегом (Арр., Syr. 48), представлял в отсутствие Тиграна новую власть и, повидимому, был главным связующим звеном между царем и сирийскими городами, а также, несомненно, и привлеченной к управлению старой селевкидской администрацией, без которой положение в Сирии нельзя было стабилизировать. Впрочем, по всей вероятности, крупные полисы непосредственно поддерживали отношения с царем.

Подытоживая все вышесказанное, отметим, что великая держава Тиграна образовалась на основе соглашения двух государств — Армянского и Сирийского, что представляло собой по существу компромисс их господствующих классов; тенденция к образованию подобного государства исходила из обеих ближневосточных стран. Власть над Сирией Тиграну достается вследствие этого армяно-сирийского соглашения, прежде всего сводившегося к согласию царя Армении стать сирийским царем и охранять права местных полисов. Армяно-сирийская уния 83 г. представляла собой политическое объединение разнородных обществ: одного, находящегося на более высокой стадии общественного развития (античный способ производства), и другого, базировавшегося в основном на труде сель-

ских общин, с еще неразвитой городской жизнью.

Для выяснения своеобразных условий армяно-сирийской унии 83 г. необходимо рассмотреть роль армянской армии, потому что перед нами очевидный факт оккупации Сирийского царства армянскими войсками. Вступлению армянской армии на территорию Сирии предшествовали переговоры, и оно было совершено в первую очередь по просьбе заинтересованного в этом Сирийского царства. На это прямо указывает Юстин (XL, 1). Целью армянских вооруженных сил в Сирии было не подавление господствующего класса сирийского общества, а действие в его интересах. По существу воинские контингенты Тиграна на территории Сирии по своим функциям заменили местные войска. Вместе с тем армянские войска были надежным гарантом власти Тиграна в Сирии, где его социальной опорой выступала местная эллинистическая знать. Вполне обоснованным будет также предположить, что Тигран принял к себе на службу остатки

³⁴ Впервые в истории сирийского монетного дела на обороте монет Тиграна, чеканенных в Антиохии (а также в Тигранакерте), появляется изображение богини Тюхе (изображение воспроизводит известную скульптуру Евтихида) (см. Downey. Ор. сіt., р. 138; Мушегян Х. А. Нумизматические новинки. — ВОН, 1981, № 3 (на арм. яз.), с. 119). Следовательно, сохранение на сирийских драхмах Тиграна селевкидского титула βασιλεύς, вместо имперского βασιλεύς βασιλεύν, не могло бы быть объяснено использованием старого штемпеля, который применялся для изготовления селевкидских монет.

старой селевкидской армии. Отряды греческих наемников (Арр., Mithr. 86), которым Тигран доверил важные участки обороны Тигранакерта,

возможно в большинстве своем были выходцами из Сирии 35.

Новая держава, раскинувшаяся от Кавказских гор и вдоль сиро-финикийского побережья до Иудеи и Набатеи (а позже, после их подчинения, простершая свое верховенство до границ Египта и берегов Красного моря), будучи прежде всего следствием территориальных расширений Армянского царства в 95—84 гг., во многом отличалась от него, представляя собой уже качественно новое политическое образование, в котором наряду с армянским элементом стал активную роль играть сиро-эллинистический элемент. Армения Тиграна 83-69 годов - это единое армяносирийское царство, господствующий класс которого составили армянская аристократия и сирийская полисная знать. Державу Тиграна, в основе существования которой лежало оформленное в виде унии политическое партнерство, взаимодействие, с одной стороны, начала восточного, армянского, с другой,— эллинского и эллинизированного сирийского, мы позволим себе определить как державу эллинистическую ³⁶.

При этом необходимо отметить, что партнерство армянской и сирийской сторон не могло быть всецело равноправным, армянский элемент был преобладающим. В сложившемся соотношении политических сил можно наметить разделение функций приблизительно следующим образом: если сирийская полисная знать сохранила господствующее положение на месте и почетное положение в государстве (при дворе) и даже в какой-то мере влияла на политику царя на юге, то армянская аристократия продолжала занимать общегосударственные правящие, имперские позиции, оказывая в целом решающее влияние на внешнюю политику и стратегию державы. Крупная внешнеполитическая акция Тиграна после занятия Сирии захват и оккупация Каппадокии в 77 г. — была осуществлена в интересах

армянской знати.

Отношения царской власти и полиса, существовавшие в Селевкидской империи, несомненно служили примером, по которому строились взаимоотношения городов с царем Тиграном, но можно проследить и немаловажное различие: одна из своеобразных черт эпохи Тиграна — это восстановление в Сирии сильной центральной власти при сохранении более широкой, чем ранее, самостоятельности полисов. В регионах западнее Евфрата, прежде всего в Сирии, эллинистический полис сделался непосредственной социальной опорой власти Тиграна. Об этом свидетельствуют его взаимоотношения с Лаодикеей, Беритом, Антиохией, Апамеей и другими полисами. Как установил А. Сейриг, Лаодикея Приморская в 81 г. приобретает свободу ⁸⁷. Известно, что Берит также в 81 г. получил право вести собственное летосчисление. А. Сейриг полагает, что эти два больших полиса сиро-финикийского побережья расширением своих прав были обязаны Тиграну 38. Согласно А. Б. Рановичу, понятие «свобода» для эллинистического полиса могло включать в себя свободу от податей, отсутствие царского гарнизона, а также право издавать собст-

35 В литературе известны факты широкого распространения практики наемничества в позднеселевкидской Сирии, см. Шифман. Ук. соч., с. 22.

36 С этой позиции представляется возможным взглянуть на роль армян в позднеэллинистическую эпоху, выступивших в качестве политической силы, сумевшей при поддержке эллинистических кругов восстановить, пусть на короткий срок, империю эллинистического типа, основанную на сотрудничестве господствующих классов главных народностей, и тем самым, как кажется, вдохнуть жизнь в политическое наследие Александра Македонского. Ср. Ковалев С. И. Александр Македонский. М., 1937, с. 75—76, 86, 88, 103; Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950, с. 72—73; Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976, с. 241—245.

³⁷ Seyrig. Op. cit., p. 28. 38 Ibid., p. 28, 38; Mouterde R. Regards sur Beyrouth phenicienne, hellenistique et romaine. Mélanges de l'université Saint-Joseph. T. XL. Beyrouth, 1964, Fasc. 2, p. 161.

венные законы, пользоваться полным самоуправлением ³⁹. Оно никоим образом не было равнозначно государственному суверенитету. Свобода города не предполагала его политической независимости и какого-либо права на независимые действия в международных отношениях 40.

Когда в 84-83 гг., оказавшись по существу политически независимыми полисами, Лаодикея и Берит добровольно перешли под власть Тиграна, они рассчитывали получить, кроме безопасного существования, благодаря санкции нового царя также максимальное расширение прав, какое было возможно для полиса в составе державы. Даруя новые привилегии Лаодикее и Бериту, Тигран шел навстречу их просьбе, но он был вправе и отказать. Свобода, дарованная верховной властью, бесспорно, не гарантировала от вмешательства во внутренние дела этих полисов со стороны той же власти. Вмешательство Тиграна во внутренние дела Лаодикеи и Берита должно было рассматриваться как закономерное явление. В 78 г. Тиграном был санкционирован выпуск Лаодикеей тетрадрахм из высококачественного серебра, имевших широкое хождение

в северосирийских регионах 41.

Антиохия, добившаяся в 92 г. за оказанную Деметрию III поддержку важной от него уступки — права выпуска собственной монеты, продолжает чеканить монеты и в годы царствования Тиграна. В 76 г. Апамея на Оронте, владевшая обширной внегородской землей с многочисленными поселениями, впервые получает право чеканки собственной монеты и тогда же провозглащается «священной и неприкосновенной» (ispa х αi a50λo5) a2. Как полагает Э. Бикерман, предоставление городу асилии означало, что право убежища, первоначально признанное только за городским святилищем, перешло на всю городскую территорию, неприкосновенностью на городской территории не могли пользоваться только государственные преступники. Закрепление права убежища за всей городской территорией ограничивало полномочия царской администрации в городе 43. Другая связанная с этим привилегия города — право называться «священным» предполагала более или менее полный его фискальный иммунитет. Следует отметить, что вернувшийся в Сирию в 68 г. Антиох XIII имел достаточную власть, чтобы лишить Анамею и Антиохию привилегий, дарованных и подтвержденных Тиграном 44.

Специального рассмотрения заслуживает вопрос о взаимоотношениях Тиграна с гражданским коллективом Селевкии Пиерии (свободным городом с 108 г. до н. э.). Согласно Евтропию, после установления римской власти в Сирии Селевкии Пиерии в награду за оказанное Тиграну сопротивление была дарована свобода (Eutrop. VI, 14, 2; это событие имеет в виду также Страбон, XVI, 2, 8). Перед нами, вне сомнения, факт открытого неповиновения города властителю. В литературе конфликт между Тиграном и городом Селевкией обычно приурочивается к 83 г. 45, при этом в пользу подобной датировки не приводятся какие-либо доводы. Выяснить точную дату конфликта весьма затруднительно, потому что по этому вопросу в самих источниках не содержится никаких указаний. Тем не менее некоторые соображения позволяют поставить под сомнение правомерность датировки конфликта 83 годом. Открытое непризнание на протяжении 14 лет власти Тиграна городом, расположенным поблизости от царской столицы — Антиохии, служившим к тому же ее морским портом, было бы крайним умалением престижа Тиграна, представляло бы опаснейший прецедент и непременно потребовало бы от Тиграна попыток

³⁹ Ранович. Ук. соч., с. 52-53.

⁴⁰ Rostovtzeff. Op. cit., v. I, p. 526, 41 Seyrig. Op. cit., p. 28, 29, not. 2. 42 Ibid., p. 16.

⁴³ Bikerman E. Institutions des Seleucides. P., 1938, p. 152, 154-155. 44 Seyrig. Op. cit., p. 12, 18; Downey. Op. cit., p. 138.

⁴⁵ Манандян. Ук. соч., с. 49; Шифман. Ук. соч., с. 45; Downey. Op. cit., р. 137.

его подчинения. Примечательно и то, что Плутарху, подробно описавшему обстоятельства посольства Аппия Клавдия в 71 г. в Антиохию, по-видимому, ничего не известно о сопротивлении и независимости близлежащей Селевкии Пиерии. Такое событие вряд ли бы осталось им незамеченным, имей оно тогда место. Поэтому более логично отнести выступление Селевкии Пиерии против Тиграна к самому концу 70-х гг., к периоду войны Селевкидов на юге Сирии, определив его тем самым как восстание. Неудачный исход событий для Тиграна под Селевкией можпо объяснить разбросанностью его боевых сил в конце 70-х гг. по обширным пространствам державы, переживавшей в это время кризис.

Из городов Тетраполиса, очевидно, единственным городом, изменившим Тиграну в войне против Клеопатры-Селены и признавшим царем Антиоха XIII, была Селевкия Пиерия. Остальные города Тетраполиса — Антиохия, Апамея и, по всей вероятности, Лаодикея — сохранили верность своему царю. Судя по всему, не так уж далек от истины Юстин, когда говорит о мирных годах правления Тиграна. Военные действия 73—69 гг. не охватили северные области Сирии, за исключением области

Селевкии Пиерии, а сосредоточились на южных рубежах страны.

Сплоченность и организованность господствующего класса Сирии не были единственной причиной, определившей его выгодное положение в новой державе. Благожелательное отношение к сирийским полисам, как можно полагать, было намечено Тиграном еще до времени его воцарения

в Сирии и входило в его стратегические расчеты.

На рубеже II—I вв. до н. э. с возрастанием угрозы с запада и востока, со стороны Рима и Парфии осложнилось внешнеполитическое положение Армянского царства. Вступив в 95 г. на армянский престол, Тигран поставил себе задачу оказать сопротивление медленному, но непреклонному продвижению Рима в глубь Малой Азми, в направлении Армении, а также помешать окончательному утверждению Парфянской державы вдольюжных и восточных границ Армянского царства. Борьба Тиграна против установления римского влияния в соседней с Арменией Каппадокии, свержение им здесь в 93 г. римского ставленника привело к первому в истории вооруженному конфликту между Арменией и Римом — кратковременной войне Тиграна с пропретором Киликии Суллой в 92 г. Сулла разбил вторгшуюся в Каппадокию армию Тиграна, нанеся ей большие потери 46, и преследовал ее до Евфрата (Plut., Sulla, 5). Тогда же у берегов Евфрата произошло другое важное событие.

Признание реки Евфрат границей сфер влияния и господства между Римом и Парфией, достигнутое, по мнению большинства исследователей, в 92 г. 47 в результате встречи представителей обеих держав — Суллы и

⁴⁶ Селецкий. О некоторых современных исследованиях..., с. 210. По вопросу о причинах походов Тиграна в Каппадокию мы не можем согласиться с точкой зрения Я. А. Манандяна, будто они были вызваны тем, что с захватом в 94 г. Тиграном Софены Каппадокия становилась для Армении «опасной соседкой» (ук. соч., с. 33). Напротив, Каппадокия, сама по себе неспособная угрожать никому из соседей, с переходом под власть римского ставленника превращалась в форпост римского проникновения в страны Передней Азии, открывающий путь на восток — в Армению, на юг — в Сирию и далее к Персидскому заливу. Нанося удары по Каппадокии, Тигран тем самым вел войну против интересов Рима в Передней Азии. Взгляды Я. А. Манандяна справедливо критикует О. И. Севастьянова (Севастьянова О. И. Новый труд по древней истории Армении. — ВЛИ. 1946. № 2. с. 117).

Армении. — ВДИ, 1946, № 2, с. 117).

47 К. Х. Циглер (Ziegler К. H. Die Beziehungen zwischen Rom und dem Partherreich. Ein Beitrag Geschichte des Völkerrechts, Wiesbaden, 1964, S. 22, 23) считает вполне возможным, что Сулла и Оробаз пришли к соглашению, носившему характер конкретного договора, по которому Евфрат должен был стать границей территориальных интересов Рима и Парфии. Указанная К. Циглером договоренность была неизбежной. Впервые соприкоснувшись, Рим и Парфия, несомненно, должны были прийти к признанию за каждой из сторон права на свободу действий на территориях по противоположным берегам Евфрата. См также Манандян. Ук. соч., с. 31; Grousset. Ор. сіt., р. 85; Кошеленко Г. А. Парфянское царство. — БСЭ, М., 1975, с. 255; А. Г. Бокщанин (ук. соч., т. II, с. 27—28) полагает, что попытка Митридата II Парфянского

Оробаза — было в корне враждебным интересам Армянского государства. Соглашение о границе в 92 г. со стороны Рима, несомненно, было предварительным заявлением о притязании на господство над странами по западному берегу Евфрата — Каппадокией, Коммагеной и Сирией. Парфяне против этого не возражали. Проявившаяся уже в 92 г. перспектива раздела Передней Азии на две сферы господства означала для Армении участь быть зажатой между двумя империями, что и осуществилось в 66—53 гг., приведя в дальнейшем к наихудшим последствиям для ее независимости.

Источники свидетельствуют, что в 92 г. парфяне стремились к установлению с Римом дружественных отношений (amicitia — Tit. Liv., Epit. LXX). Плутарх сообщает, что Сулла вступил в переговоры с парфянами, которые просили заключить военный и дружественный союз (Пα΄ρθους συμμαχίας καὶ φιλίας δεομένους). По вопросу о сообщении Плутарха К. Циглер ограничивается указанием, что греческие σύμμαχος καὶ φίλος идентичны римским amicus et socius 48. В этом случае важно оговорить, что συμμαχία, к которой стремилась Парфянская держава, никоим образом не могла предполагать приобретение ею положения, даже отда-

ленно сближающегося с римским socio.

Συμαχία, которую предлагал Митридат II Риму, может быть понята только как военный союз Парфии и Рима против третьего государства, против Армении. Э. Вилль отмечал, что на берегу Евфрата римлянин был заинтересован вести переговоры с парфянином против Тиграна 49. Как это следует из свидетельства Плутарха, Парфянская держава со своей стороны предлагала конкретный план борьбы против армянского царя. Хотя военный союз и не был заключен (в силу неподготовленности Рима к большой войне), тем не менее, сам факт его обсуждения Римом и Парфией со всей наглядностью показал Тиграну наиболее грозное для его государства последствие окончательного установления в Передней Азии

господства великих держав.

В 84 г. после решительной победы над Парфией Тигран, несомненно, со всей ясностью осознавал, что в целях преграждения пути римской экспансии, а также длительного противостояния Парфии он в интересах независимости Армении и обеспечения ее гегемонии должен пойти на союз с господствующим классом Сирии, с полисами, политическая ориентация которых для Армянского царства имела решающее значение. В 83 г. Армения и Сирия были естественными союзниками в сложившейся расстановке политических сил. Сближение Тиграна с сирийскими «эллинами», укрепление союза армянской и сирийской знати сделалось краеугольным камнем в проводимой им политике противостояния как Риму, так и Парфии. Таким образом, первоначальная цель — предотвратить нависшую над Армянским царством угрозу — по мере расширения масштабов деятельности Тиграна должна была неминуемо перерасти в задачу по созданию великого царства, объединяющего силы, заинтересованные в сдерживании натиска враждебных держав с запада и востока.

Образовав единое политическое целое вместе с высокоразвитыми и густонаселенными странами Восточного Средиземноморья, собственно Армения по сравнению с ними была крайне малолюдной. Отныне производственные силы исконных армянских земель были недостаточной материальной основой для продолжения великодержавной политики, они не могли полностью обеспечить содержание постоянной армии (перевалившей за сто тысяч человек), огромного и блистательного Тигранакертского двора, разросшейся администрации и т. д. В предпринятом Тигра-

вступить в контакт с римлянами была вызвана его обеспокоенностью ростом могущества армянского царя. Однако, по мнению А. Г. Бокщанина, переговоры римлян и парфян были бесплодны.

⁴⁸ Ziegler. Op. cit., S. 22. 49 Э. Вилль также указывает, что деятельность Тиграна «положила начало первым контактам римлян и парфян» (Will. Op. cit., t. II, p. 380—381).

ном в 78-77 гг. массовом переселении в Армению каппадокийского крестьянства и городского киликийского населения ⁵⁰ следует усматривать попытку удовлетворить острую нужду армянской половины державы в непосредственных производителях, в рабочей силе, способной удовлетворить возросшие потребности государства. Этой акцией Тигран увеличил количество податного населения Армении и тем самым смог достигнуть многократного увеличения регулярных поступлений натурой и деньгами. Заслуживает внимания своеобразное решение этой проблемы: Тигран добивался повышения доходов казны путем увеличения численности трудового населения коренной страны — основы его могущества, а не путем повышения налогообложения новых его владений, прежде всего Сирии. Увеличение людских ресурсов армянской половины империи должно было закрепить за ней положение ведущей в союзе страны, несущей на себе большую часть бремени по обеспечению целостности державы.

Одновременно с мерами по увеличению людских ресурсов Армении Тигран предпринял действия, имевшие своей целью укрепление государственного единства державы. После того как Сирия присоединилась к Армянскому царству главной задачей внутренней политики Тиграна должно было стать сплочение двух разпородных частей державы. Принятие Тиграном в Сирии титула царя, его непосредственная опора на сирийскую полисную знать, привлечение к управлению селевкидской администрации, общая нормализация положения в стране - все это, бесспорно, должно было благоприятствовать восстановлению пришедшей в упадок

местной государственности.

Вместе с тем установление общего для двух народностей института монархии, расширение этносоциальной опоры трона несомненно знаменовало начало сложного процесса образования единого по политическому устройству армяно-сирийского государства, каким и становилось в действительности новое образование, формально существовавшее в виде «двух царств» Тиграна. Й в Армении и в Сирии вся полнота власти на местах исходила из одного, общего для них центра. Царь и его личное окружение являли собой сосредоточение всей государственной жизни. Сближение с сирийской знатью могло происходить прежде всего путем вовлечения ее представителей в круг ближайших людей Тиграна.

Усилия Тиграна по оформлению в государственное делое двух самодовлеющих начал воплотились в строительстве Тигранакерта. В державе Тиграна существовали и были признаны официально две столицы-Арташат и Антиохия. Все годы царствования Тиграна столица Сирии продолжала на своих монетах чеканить $\mathbf{ANTIOXE}\Omega\mathbf{N}$ ТН $\mathbf{\Sigma}$ МНТРОПО $\mathbf{\Lambda}\hat{\mathbf{E}}\mathbf{\Omega}\mathbf{\Sigma}^{51}$. Управление Сирией из старого центра, Арташата, в силу отдаленности и отсутствия для царя непосредственного контакта с сирийскими подданными было крайне трудным. Сохранение такого положения, видимо, таило в себе и некоторую угрозу стабильности державы. В свою очередь перенесение столицы государства в Антиохию было нереальным. Следовательно, над двумя столицами нужно было поставить

⁶⁰ Насильственное переселение в Армению в 78—77 гг. населения киликийских городов (а также, впрочем, и полное отсутствие упоминания о Киликии в рассказе Юстина) дает основание полагать, что в 83 г. киликийские города не участвовали в призвании Тиграна. Их судьба показывает, что равнинная Киликия в отличие от Сирии непосредственно вошла в состав Армянского царства и находилась под неограниченным управлением армянских властей. Сообщение Страбона (XI, 15) о переселении Тиграном в Армению 12 гражданских общин должно быть целиком (исключая только одну Мазаку, также захваченную им) отнесено к городам Киликии. Некоторые из них известны, это: Солы, Малл, Адана, Эпифания (о них см. Саркисян Г. Х. Тигранакерт. М., 1960, с. 51). Согласно Аппиану, подчинение Тиграном Киликии произошло одновременно с установлением его власти в Сирии. В источниках нет данных о каких-либо сохранившихся к этому времени владениях Селевкидов в равнинной Киликии. Киликия, в которой согласно Юстину (XL, 2), Антиох XIII пребывал в безопас-ности некоторое время, это бесспорно римская провинция Суровая Киликия.

51 Downey. Op. cit., p. 138.

третью, общую для объединившихся стран. Престольный город Тигранакерт был основан в 78 г. на юго-западной окраине Армении ⁵². Основанием новой столицы Тигран устранял для себя угрозу нахождения в окружении одной из группировок знати и изоляции от другой и получал возможность осуществить при новом дворе сплочение обоих господствующих классов. Таким образом, строительство Тигранакерта было вызвано глубоким сдвигом в расстановке социально-политических сил в державе. В развитии реальной унии 83 г. учреждение новой столицы было решающим шагом, завершавшим политическое слияние двух стран и оформление их в единое государственное целое с общим центром управления — новым царским двором.

История последующих четырех-пяти лет, от учреждения новой столицы до начала на юге движения в пользу Антиоха XIII, осталась бы неизвестной, если бы не одно сообщение Аппиана, позволяющее, несмотря на свою краткость, различить определенные события. По-видимому, о своем отношении к начипаниям Тиграна впервые заявляет его главная опора — армянская знать. Как сообщает Аппиан (Mithr. 84), Тигран «знатных призывал туда (в Тигранакерт), грозя наказанием, что все, что с собой не возьмут, будет конфисковано». В этом сообщении нельзя не заметить, что переселение знати в Тигранакерт не было добровольным,

что оно не обошлось без трений между нею и царем.

Причины недовольства армянской знати этим начинанием Тиграна следует искать в самих целях строительства Тигранакерта. Жить в новой столице, зримо воплощавшей царскую политику по сближению с эллинистическими кругами, — это означало бы для армянских магнатов прежде всего безоговорочное одобрение целей ее строительства, признание самой политики Тиграна. Знать подчинилась воле царя, но не примирилась: спустя пять лет она подняла восстание во главе с царевичем Зариадром (Val. Max., IX, 11, 3; App., Mithr. 104). Недовольство армянской землевладельческой аристократии могло быть вызвано почетным положением в империи сирийского господствующего класса, независимостью полисов. Далеко идущие цели Тиграна остались до конца непонятыми его ближайшим окружением, переоценивавшим, как кажется, свои силы. Восстание Зариадра было беспощадно подавлено. Должно быть, вскоре после гибели старшего сына Тиграна на охоте неожиданно раскрылся новый заговор, а возможно, произошло трагическое недоразумение, стоившее жизни его среднему сыну (App., Mithr. 104).

Можно лишь предполагать, что растущая при дворе оппозиция определенной части армянской знати, сближение с ней наследников Тиграна, который достиг преклонного возраста (в 73—72 гг. ему исполнилось 68 лет), должны были внушать сирийцам опасения на будущее. Следует констатировать то важное обстоятельство, что начало военных действий Клеопатры-Селены и ее союзников в Южной Сирии, а также восстание Зариадра относятся к одному периоду — к 73—71 гг. В определенной стенени это может свидетельствовать о том, что Тигран стал терять опору в обеих частях империи. Политика Тиграна, направленная на сближение двух фракций господствующего класса, не встретила полной поддержки ни у одной из сторон. В 73—72 гг. зашатались основы, на которых покоилась целостность державы. В эти годы начинается брожение и среди зависимых от Тиграна северомесопотамских династов. Осенью 71 г. в надежде на скорую помощь римлян восстал Зарбиен, царь Кордуэны. С южносирийского театра военных действий пришлось снять силы на по-

давление мятежа. Зарбиен и весь его род были уничтожены.

К концу 70 г. восстания почти повсеместно были подавлены. Но удалось ли преодолеть сам кризис, возможно ли было найти новые компромиссные решения, примиряющие обе стороны? Если да, то приступить

⁵² Саркисян. Тигранакерт, с. 51.

к решению этой задачи Тигран мог только после войны с Римом, которую

он собирался начать весной 69 г. вторжением в Малую Азию 53.

Лукулл успел сорвать замыслы Тиграна. 6 октября 69 г. в битве под Тигранакертом Рим нанес сокрушительный удар последней эллинистической державе — Армении Тиграна Великого, его армяно-сирийскому царству. Зимой того же года Тигранакерт, которому по замыслу создателя предназначалась важная объединительная роль на Востоке, стоял опустошенный и обезлюдевший: с отпадением Сирии и Финикии его существование как столицы лишалось смысла. Армянское царство Тиграну удалось отстоять. В результате Арацанийской битвы 68 г. Лукулл вынужден был отказаться от планов захвата Арташата и завоевания Армении и начать отступление. Впервые римскому полководцу не удалось добиться победы в решающем сражении. Прямым следствием неудачных войн Тиграна с Римом (69—67 гг.) и Парфией (в 66 г. Фраат III, отвоевав Атропатену, осаждал Арташат) были падение державы Тиграна и утверждение в Передней Азии господства римлян и парфян.

Рассмотрение процесса образования державы Тиграна в взаимосвязи с событиями, вызванными деятельностью Митридата Евпатора, позволяет констатировать явно обозначившуюся в эти годы (80—70 гг.) в раздробленном на мелкие политические образования эллинистическом мире тенденцию к повторному объединению в крупные государства (малоазийскобалканская держава Митридата в 88—84 гг. и переднеазиатская держава Тиграна в 83—69 гг.). Начавшийся подъем новых эллинистических государств, не лишенный при этом внутренних противоречий, был насильственно пресечен более могущественным в военном отношении Римом. Историческое своеобразие эллинистической державы Тиграна II Великого заключалось как в ее дуалистической этноклассовой основе, так и в способе ее возникновения, а само ее существование отразило стремление господствующих классов различных обществ Ближнего Востока совмест-

ными усилиями противостоять натиску Рима и Парфии.

Р. Л. Манасерян

THE FORMATION OF THE EMPIRE OF TIGRANES II

R. L. Manaseryan

The author sets out to show that Tigranes' state had a broad social base and that its formation and fifteen-years long existence (84-69 B. C.) were made possible by the support of local social forces in the Hellenistic Near East. To appreciate this fact one must understand the position of the Hellenistic poleis which came under the rule of Tigranes and their role in forming his empire. From information given by Pompeius Trogus, as epitomised by Justin, the author infers that the Armenian and Syrian kingdoms joined together in 83 B. C. This does not conflict with the testimony of Strabo, Josephus, Plutarch and others on the military campaigns in Syria since they took place later, in 73— 69. According to Trogus (Justin), after the fall of the Seleucid dynasty the poleis jointly issued a foreign policy initiative, proposing that Tigranes take power over the Syrian kingdom. When Tigranes became king the all-Syrian populus had been close to forming a confederation of poleis, but now they accepted the monarchy. The unification of Armenia and Syria under one monarch should be seen as a union of two kingdoms. For Syria in 83 B. C. it was a question of how to survive, how to restore the Syrian kingdom as a single state, and not at all a question of liquidating that state. The Syrian poleis could be relied on for direct support to Tigranes and from him they received a number of privileges. The preservation by Syria of its status as a kingdom is attested by the titulary on the coins of Tigranes: in Armenia (Artashat, Tigranocerta) he was βασιλεύς βασιλέων, in Syria (Antiochia, Damascrs) he was merely βασιλεύς. The union of 83 B. C. led to the

Подробнее см. Манасерян. Ук. соч., с. 106 сл.

formation of one Armeno-Syrian country in which the ruling class consisted of the Armenian aristocracy and the Syrian polis gentry. The Hellenistic Armenia of Tigranes in the years 84—69 reflects the determination of the dominant classes in Near Eastern society to resist, by their combined efforts, the onslaught of Rome and Parthia.